

Р. Ф. ИТС

МАНЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ МЯО И ЯО

Южные народы Китайской Народной Республики мяо и яо — древние обитатели областей к югу от Янцзы. Часть их, в более позднее время переселившаяся из Китая, обитает в Северном Вьетнаме, Лаосе и Бирме. На протяжении столетий мяо и яо находились в тесных культурно-исторических контактах с китайцами и другими народами Китая.

В многонациональном Китае мяо и яо, как и другим братским народам, предоставлены права национальной автономии, возможности свободного национального и культурного развития. Ушли в прошлое годы национального угнетения и несправедливости, годы господства феодалов, гоминьдановской реакции и империалистов.

В силу различных исторических причин один из крупных народов южного Китая — мяо (2,5 млн. чел.) оказался разъединенным на пять групп, которым соответствуют пять диалектов языка мяо. Наиболее компактно мяо проживают в западной Хунани и восточной части Гуйчжоу — области, считающейся исторической зоной расселения мяо с VIII в. н. э. Мяо этих районов, при всех языковых диалектных различиях между собой, в целом отличны от мяо Гуандуна и о-ва Хайнань, Юньнани, Вьетнама, Лаоса и Бирмы.

С другой стороны, народ яо (около 0,7 млн. чел.), который наиболее компактно сосредоточен в Гуанси (район Даяшань), Гуандуне (автономный Ляньнаньский уезд) и родственные группы которого обитают также в Хунани, Вьетнаме и Бирме, обнаруживает большее по сравнению с мяо языковое единство своих отдельных групп.

Исследователи, изучавшие эти народы, никогда не ставили под сомнение родство языков мяо и яо; долго дискутировался вопрос о месте группы мяо и яо в системе языковой классификации. Некоторые исследователи (Х. Дэвис, Р. Гейне-Гельдерн, П. Бенедикт и др.) относили их к мон-кхмерской семье, предполагая при этом, что их расселение в южном Китае связано с миграцией мон-кхмеров (или других аустро-азиатов) с юга, из полуостровного и островного мира. Другие исследователи (С.-А. Оллон, Г. Гирсон) выделяли их в самостоятельную семью мань (по одному из самых распространенных самоназваний яо, живущих вне Китая). Наконец, в последние годы была высказана, прежде всего китайскими учеными, новая точка зрения, которая получила широкое распространение. Согласно этой концепции, группа языков мяо и яо входит в большую китайско-тибетскую семью языков и древние истоки этногенеза народов, говорящих на этих языках, связаны с территорией Китая, а мяо и яо, в частности, с областями к югу от Янцзы.

Китайскими и западноевропейскими лингвистами при изучении языков мяо и яо была подмечена одна характерная особенность — в языковом отношении мяо Хайнаня, Юньнани (а возможно и Вьетнама и Бирмы) были значительно ближе к соседним группам народа яо и даже к его основной гуандунской группе, чем к мяо Хунани, Гуйчжоу и Сы-

чуани. Проф. Чэнь Ци-сян, обследовавший языки мяо и яо Гуанси, яо Гуандуна и мяо Хайнаня, в таблице, приведенной в его работе¹, дал наглядное представление о характере языковой близости этих групп двух народов, не останавливаясь при этом на причинах, вызвавших отмеченную близость. В то же время, по мнению видного специалиста по языкам малых народов южного Китая проф. Юй Ши-чжана, языковая близость хайнаньских мяо к яо объясняется тем, что данная группа мяо говорит на языке яо. Надо отметить, что подобное суждение широко распространено сейчас среди китайских лингвистов. Однако такой вывод не объясняет причин языковой близости других групп мяо и яо. Видимо, ответ надо искать в каких-то общих для двух народов языковых корнях (а может быть и всей культуры).

Некоторый намек на возможность такого пути решения данной проблемы имеется в замечаниях двух видных представителей мировой синологии. Давая краткое описание языков Индокитая, Анри Масперо писал о языке яо: «Некогда их язык был диалектом языка мяо, который разошелся с последним с течением времени в результате исторических и географических изменений»². Очевидно, для вьетнамских мяо и яо Масперо предполагает иное объяснение причины языковой близости, допуская, что вьетнамские яо говорят на диалекте языка мяо.

Более определенно об историческом единстве мяо и яо высказывался Н. Я. Бичурин, который в одной из своих работ писал: «Miao и яо ... все родоначальником своим считают Паньху, которому и жертву приносят. В сей религиозной черте открывается разительное доказательство единства их по происхождению»³.

Не ясно ли, что изучение этногенеза мяо и яо поможет не только выяснить причины их родства или сходства элементов культуры и быта, но может ответить на главный вопрос: не является ли современное языковое отличие и родство мяо и яо следствием каких-то исторических и этногенетических процессов?

Примерно в середине I тысячелетия до н. э. в долине Янцзы, между озерами Дунтин и Поян обитали племена, названные в китайских исторических хрониках саньмяо. Анализ исторических хроник, а также археологического материала из этих районов позволил автору настоящей работы высказать суждение, что саньмяо включали в свой состав предков современных мяо-тайских народов, как основной компонент, и часть тибетских групп⁴. Вместе с тем в китайской хронике «Чжаньгоцэ» определенно говорится, что в саньмяо входили племена мань, более подробно о которых сообщает в хронике «Хоуханьшу» Фань Е.

Как уже было сказано, мань является одним из самых распространенных самоназваний яо, живущих вне Китая, а также и западной части китайских яо. Больше того, в период правления династии Сун (в первые годы X в.) уже появляется название маньяо для определения групп южных народов, обитающих в пределах горных районов Гуандуна и генетически связанных с мань прежних периодов истории Китая. Хотя в ранних китайских исторических сочинениях термин «мань» прилагался ко всем южным народам страны, его первоначальное появление связано с определенной этнической группой. Отсюда любопытны и совпадение этого термина с самоназванием народа яо, его связи с племенами мань периода

¹ Чэнь Ци-сян, Заметки об обследовании языков малых народов провинции Гуандун, «Кэсюэ тунбао», т. 3, № 5, Пекин, 1952, стр. 331 (на кит. яз.).

² Н. Масперо, *Langues*, в кн.: «Un Empire colonial Français, l'Indochine», т. 1, Paris, 1926, стр. 78.

³ Иакинф [Н. Я. Бичурин], Статистическое описание Китайской империи, в двух частях, ч. II, СПб., 1842, стр. 191—192.

⁴ См. Р. Ф. Итс, Народ мяо (историко-этнографический очерк), «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXIV, М., 1955; его же, Одежда мяо и яо (мань) Вьетнама в собраниях МАЭ, «Сборник Музея антропологии и этнографии», XVII, М.—Л., 1957.

саньмяо и его отношение к группе мяо и яо. Первые более или менее конкретные сведения о мань сообщает хроника «Хоуханьшу», излагающая легенду о происхождении их от Паньху, на значение которой для этногенеза мяо и яо обратил внимание Н. Я. Бичурин. Вот что сообщает китайская хроника (см. «Хоуханьшу», цзюань 86, стр. 1а и б).

В дано прошедшие времена у «императора» Гаосин (по мнению китайского автора XIX в. Ло Яо-дяня, Гаосин, возможно, был главой мяо) была пятицветная собака, ее звали Паньху. Когда враги напали на Гаосина и ему грозила гибель, он объявил, что тому, кто доставит голову предводителя врагов, он отдаст в жены свою дочь. Никто не смог совершить этот подвиг. Тогда собака покинула дворец и вскоре вернулась с головой главаря врагов в зубах. Но Гаосин не хотел отдать дочь замуж за пса. Дочь же настояла на исполнении слова. Паньху схватил ее и умчался с ней в дикие южные горы. Здесь в пещере, без одежды, на снегу они жили, и дочь Гаосина через три года родила двенадцать детей (шесть мальчиков и шесть девочек). Паньху погиб. Осталась его жена. Она из травы и коры деревьев соткала платья для детей и выкрасила их травами и плодами в пять цветов. Дети переженились между собой. Питались они дичью и рыбой. (Еще недавно, сообщает комментарий, в районе Чанша люди находили кости рыб и зверей и говорили, что это остатки пищи жены, детей и внуков Паньху.) Управляли размножившимся впоследствии потомством Паньху старейшины по материнской линии, учитывая заслуги жены Паньху. Назывались потомки Паньху — мань. Они занимались земледелием, но не знали тяглового скота, не знали ренты и податей. (Комментарий гласит, что еще сейчас (т. е. около V в. н. э. — Р. И.) мань района Чанша «такие же».)

Зародившись в начале нашей эры, эта легенда продолжает жить и по сей день у мяо и яо. В китайских исторических хрониках после «Хоуханьшу» она связывается сначала с мань, а затем с мяо и яо. В ряде случаев имя мифического предка мань Паньху было распространено китайцами и на сами племена, так что иногда вместо названия племен «мань» употребляли название «паньху». Причем область их расселения — также район Чанша.

Начавшееся во времена правления династии Суй широкое освоение китайцами территорий к югу от Янцзы захватило и область расселения племен мань — «потомков Паньху». О мань до династии Суй в исторических хрониках периода «северных и южных династий» сообщается, что они жили в районе гор Улин, были «потомками Паньху» и делились на пять ветвей (ср. пять цветов Паньху, пять цветов одежды его детей), а назывались также «уци — пять потоков» («Наньши», цзюань 79, стр. 7а). О потомках Паньху сообщает и хроника «Бэйши» (цзюань 95, стр. 1а).

Однако история династии Суй (589—619) — «Суйшу» в разделе «О южных варварах» уже не сообщает ни о потомках Паньху, ни о другом каком-либо населении районов Чанша. В этом нет ничего удивительного, так как в период VI—VIII вв. под давлением китайцев мань вынуждены были покинуть район Чанша и начать большое переселение на запад, юг и юго-восток. Часть мань была оттеснена в горные районы северо-восточной и центральной частей Гуйчжоу, а также в западный горный район Хунани, а часть двинулась на юг до районов Гуанси-Гуандунской границы (в данном случае мы приводим современные названия этих географических областей).

Отражая эти существенные изменения для мань бывшего района Улин, исторические хроники периода правления династии Тан (618—907) сообщают о двух основных группах мань — дунсемань и сичжаомань. Первые расселяются в районе Цзанго (северо-восточная часть Гуйчжоу), а также в соседних областях Сычуани (см. «Синьцзю таншу хэчао», цзюань 258, ч. I, стр. 96). Вторые занимают угол на стыке провинций Гуанси — Хунань — Гуандун, доходя на западе до Куньмина (там же, стр. 116).

Наряду с этим, для южной группы прежних мань района Улин появляется название «моя», где последний иероглиф означает — «собака-прародительница». В объединенной редакции «Старой и новой истории Тан» в разделе о сичжаомань сказано, что их обычаи и занятия такие же, как и у дунсемань, а управляет ими род Чжао.

Таким образом, с VI в. к периоду Тан вместо определенной группы населения районов Чанша и Улин — племен мань появляются две группы мань: дунсемань и сичжаомань; тогда же сам термин «мань» становится нарицательным и обозначает не китайские племена и народы юга страны.

Уже в начале XIX в. на историю разделения единой группы мань на две территориальные группы обратил внимание Ло Яо-дянь, который в предисловии к своему труду «Цяньнань чжифан цзилюе» («Хроника губернаторства южной Гуйчжоу»), изданному в 1847 г., пишет, что яо ведут свое начало от рода Чжао, т. е. сичжаомань, а дунсемань из «Танской истории» — предыдущее название мяо.

Следовательно, сведения китайских хроник, фольклор народов мяо и яо, их языковое родство и тому подобные факты убеждают в прошлом их историческом единстве, выражением которого, как можно было видеть, являются племена мань — «потомки Паньху». С периода правления династии Сун в южном Китае уже обитают племена мяо и яо, прямыми потомками которых являются современные народы мяо и яо, расселившиеся на обширных пространствах южного Китая и соседних с ним стран Юго-Восточной Азии.

Литературные свидетельства, как нам кажется, дают право считать мань до VI — VIII вв. единым стволом последующих этнических групп мяо и яо; следовательно, изучение ранних истоков этногенеза мяо и яо должно заключаться в исследовании их общего корня мань.

В этой связи можно констатировать, что с конца II — начала I тысячелетия до н. э. в районе среднего течения Янцзы во временном племенном объединении саньмяо происходит дифференциация мяо-яоских (маньских) и тайских племен. Эти племена к IV—I вв. до н. э. выступают тремя основными племенными группами: мань, ли (более ранние — цзюли) и дуньюэ (в источниках также сиюэ, лоюэ), причем в начале нашей эры мяо и яо не были различными племенами, а составляли единую племенную группу. Появление в китайских хрониках этнонимов мяо и яо отразило исторически совершившееся разделение единого мяо-яоского этнического корня — мань.

В результате особых исторических условий, выразившихся в большей изолированности от других народов, яо оказались непосредственными преемниками мань и сохранили не только самоназвание общей мяо-яоской основы, но и языковую основу мань и более архаичную культуру. Этим можно объяснить указанные особенности языкового родства и различий между мяо и яо и внутри самих мяо.

Основная группа мяо (западнотунаньская и гуйчжоуская) потеряла связь с основной группой яо Гуанси и Гуандуна примерно с VIII—IX вв. За столь длительный срок существовавшие различия и в области языка и в области культуры стали более значительными. Если считать, что хайнаньские мяо являются потомками переселенцев на остров с материка в XIV—XV вв., а в районы Индокитая мяо пришли в XV—XVI вв., т. е. через столетие с небольшим после прихода сюда яо, то вполне допустимо, что мяо вне своего основного района расселения оказались оторванными от своих племенных групп, больше были в контакте с родственными яо и менее длительное время, чем центральная группа мяо, находились в общении с соплеменниками из единой группы мань. Именно этим прежде всего и объясняется языковая близость вьетнамских, бирманских и хайнаньских мяо к яо.

SUMMARY

At the end of the 2nd-the beginning of the 1st millennium B. C. on the Middle Yangtze the temporary tribal confederation of Sanyao differentiated into the Yao-Miao and Tay tribes. By the 4th-1st centuries B. C. these tribes appear in three main groups: the Man, Li (formerly Tzuli) and Tungyueh (with the derivatives of Hsiyueh and Loyueh). At the beginning of our era Miao and Yao formed one tribal group, the Man. The appearance of the ethnonyms Miao and Yao in the Chinese chronicles reflects the division of the single Miao-Yao ethnical Man stem, which took place in the 8th—9th centuries. A. D. Due to historical causes the people of Yao became not only the bearers of the name of the general Miao-Yao stem but also of the linguistic Man stem. This Yao people live together with the Miao in the Southern provinces of China, as well as in the North of Viet-Nam, Laos and Burma.